

ГОВОРЫ СТАРОВЕРОВ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ 1946 и 2003–2007 гг.

ОЛЬГА РОВНОВА

Наука худобы не сделает.
Матрена Богданова.
Калласте, 1946 г.

В число населенных пунктов, обследованных для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) в середине 1940-х гг., входило 8, находящихся на территории Эстонии. В 1946 г. были обследованы г. Калласте, деревни Большие Кольки, Воронья, Березье, в 1947 г. — деревни Логоза (Lohusuu), Олешницы (Alajõe), Ременик (Remniku) и Новая Деревня (Uus küla). Здесь работали студенты Ленинградского (теперь Санкт-Петербургского) государственного университета по «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» [Программа 1947]¹. Собранные ими ответы на вопросы программы хранятся в рукописном и электронном виде в диалектологическом архиве Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы сравнить материал из старообрядческих поселений середины 1940-х гг. с современным, полученным во время экспедиций 2003–2007 гг. в Западное Причудье, и выявить динамику некоторых языковых процессов. Кроме сведений, собранных для ДАРЯ, в статье использованы диалектные данные 1930-х гг., опубликованные в [Морозова, Новиков 2007], а также [Материалы для составления словаря 1963].

ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И ИНФОРМАНТОВ

Согласно рекомендациям, ответам на вопросы программы ДАРЯ должны были предшествовать предварительные сведения — о населенных пунктах, в которых собран материал, и информантах (или «объектах», как их тогда называли). Исторический и конфессиональный аспект этих сведений заслуживает внимания.

В 1946 г. старообрядческие поселения Западного Причудья выглядели следующим образом.²

Калласте. «<...> городок III разряда, насчитывающий 200–250 домов. <...> Русское население бежало сюда с восточной стороны Чудского озера, спасаясь от военной службы и церковных преследований (старообрядцы) в XVII в. Раньше почти вся земля была барской, крестьянам же принадлежали небольшие “пурные” места (3 пуры = 1 десятина). Положение не изменилось и в период буржуазной демократической республики Эстонии. Поэтому сельское хозяйство всегда стояло здесь на втором плане. Население же занималось (и сейчас занимается) рыбной ловлей, мурным делом. Рожь не сеют, покупают у эстонцев. Молодежь ходит работать к эстонцам в поля. Калласте внешне мало пострадало в период немецкой оккупации, но почти в каждой семье есть кто-либо убитый белоэстонцами. Имеется школа из 6 классов, народный дом, 1 раз в месяц бывает кино».

Большие Кольки. «<...> Деревня Б. Кольки расположена на самом берегу Чудского озера. Некогда здесь был дремучий лес, куда бежали, как рассказывают старики, от религиозных гонений, барщины и солдатчины русские с той стороны Чудского озера. Деревня, которая здесь возникла, почти полностью состоит из русских. <...> В

¹ В 1946 г. студенты пользовались первым изданием Программы, опубликованным в 1945 г. Ярославским государственным педагогическим институтом.

² Тексты приводятся с незначительными купюрами, обозначенными знаком <...>. Здесь и далее указания на конфессиональную принадлежность населения к старообрядчеству выделены разрядкой.

деревне около 100 домов. Избы расположены по обе стороны одной улицы. Избы большие (6–8 окон), деревянные, на каменных “фундамент³ах”, крытые лучинкой, шиндарем или черепицей. Земли у населения мало. В прошлом они арендовали приусадебные участки. Хлебов не сеют. Почти вся земля занята под лук. Выращивают его пудов по 100–200, а затем меняют у эстонцев на хлеб, картошку и др. продукты. Лошадей в деревне мало, в случае надобности обращаются к эстонцам. Коз, овец, гусей не держали. Вся сельскохозяйственная работа лежит на женщине. Мужчины — каменщики (мурники) и рыболовы. Раньше они летом разъезжались по городам, занимаясь каменным — мурным делом, зимой же ловили рыбу. Но сейчас мало кто уходит в город на заработки, предпочитают ловить рыбу и летом. В деревне имеется школа-семилетка, библиотека при военисполкоме, но при немецкой оккупации советские книги были уничтожены, и народный дом, где 1 раз в месяц бывает кино и спектакли. Здесь можно встретить прозвища. Так, русские зовут эстонцев чухнами, а эстонцы русских — тиблами».

Воронья. «Деревня Воронья расположена на берегу Чудского озера и имеет около 300 домов. В центре и в северной части деревни население русское, а в южной части — эстонское. <...> Название Воронья идет от лежащего неподалеку в озере знаменитого Вороньего камня.³ Большинство жителей по профессии каменщики, или “мурники”. Сейчас, однако, каменным делом не занимаются. До 1917 года они ездили летом на заработки в Россию, а зимой занимались рыбной ловлей. Сейчас в деревне имеется рыболовецкая артель. Земли русское население имеет всего по 1–2 га на хозяйство, поэтому хлеб не сеют, а почти весь приусадебный участок идет на продажу и в обмен на хлеб эстонскому населению. Молодежь летом работает “батраками”. <...> Почти все — старообрядцы. Кроме старообрядческой “моленны” имеется и небольшая православная церковь, но служб в ней нет давно. Православных всего 3–4 семьи. В Воронье имеется русская школа — теперь 7 классов, при школе весьма бедная библиотека. В клубе один раз в месяц бывает кино, по воскресеньям — танцы. Об истории Вороньи жители не помнят ничего, кроме того, что их деды бежали сюда от религиозных притеснений и от солдатчины. Каменных домов в деревне немного. До начала Отечественной войны 1941–45 гг. имелось автобусное и пароходное сообщение с Тарту. У молодежи, имеющей среднее образование, учившейся в период Эстонской буржуазной республики на эстонском языке, наблюдается характерный акцент. У старшего поколения и у неучившейся молодежи этого нет».

Березье. «<...> Деревня на самом берегу озера (Псковское озеро). Почва болотистая. Крестьянам земли не хватает, особенно для корма скота. Многие участки весной заливаются водой. <...> Незначительный процент эстонского населения (3 двора). Среди русских почти половина — старообрядцы. Русские живут обособленно от эстонцев. Общаются с ними очень редко. Старики эстонского языка не знают совсем. Молодежь в связи с частым посещением городов Эстонии и в связи с тем, что уходила на работы в Эстонию, эстонский язык знает; среди молодых многие свободно разговаривают по-эстонски. Основное занятие населения, кроме земледелия, — рыболовство. Сеют много луку для продажи. Раньше приезжали за луком в деревню купцы из эстонских городов. В деревне есть уполномоченный сельсовета. Хозяйства единоличные. Уполномоченный рассказывает, что название деревни происходит якобы потому, что вокруг деревни был большой березовый лес. Школы и других культурных учреждений нет. Начальная школа в 4 км в деревне Любицы. <...> О давности существования пункта никто точно сказать не может. <...> В прошлом крестьяне принадлежали помещикам. Сейчас в деревне 33 двора».

Таким образом, в характеристике всех обследованных населенных пунктов содержатся указания на конфессиональную принадлежность их жителей (старообрядцы),

³ Студенты передают местную легенду.

трех, кроме Березья, — сведения о пришлом характере населения⁴. Родом его хозяйственной деятельности — не хлебопашцы — определяется отсутствие в материалах лексики, связанной с выращиванием и обработкой зерновых. В этой связи становится понятным рифмованное выражение *эстонцы вам покажут и соху↔, и борону↔, и кобылу ворону↔* (Калласте).

Заслуживает внимания сообщение о том, что русская молодежь знает эстонский язык — это поколение наших современных информантов, родившихся в 1920-х гг. К сожалению, студенты не указали, в чем именно выражается «характерный акцент» (эстонский), который они услышали в речи воронейской молодежи, — в современной речи тех ее представителей, которые дожили до наших дней, есть эстонизмы, но акцента точно нет.

В 1946 г. студенты записали ответы на вопросы программы ДАРЯ от 15 жителей Западного Причудья. Сведения о них удобно представить в виде таблицы:

№	Нас. пункт	Имя, отчество, фамилия	Возраст, год рождения	Характеристика информанта
1	Калласте	Анастасия Ивановна Горюнова	63 года (1883 г.р.)	«Малограмотная, местная жительница, бывала в Петрограде, Риге, живет одна, трое взрослых сыновей убиты в период оккупации. “Дедушка мой был старовер, а баба не”».
2	Калласте	Матрена Богданова	67 лет (1879 г.р.)	«Неграмотная, местная жительница».
3	Калласте	Анна Петровна Круглова ⁵	85 лет (1861 г.р.)	«Неграмотная, местная жительница».
4	Калласте	Анна Николаевна Персидская	90 лет (1856 г.р.)	«Неграмотная, местная жительница».
5	Б. Кольки	Екатерина Семеновна Филимонова	56 лет (1890 г.р.)	«Родилась в Б. Кольках. Была в Петрограде, Пскове, Риге, Таллине, Острове по 1–2 недели. С 1919 г. живет в Кольках безвыездно. Вдова. Живет одна».
6	Б. Кольки	Марфа Никитевна Ратман	68 лет (1878 г.р.)	«Неграмотная. Родилась в Б. Кольках. Никуда не ездила».
7	Б. Кольки	Евдокия Федоровна Каялина	76 лет (1870 г.р.)	«“Раньше знала церковные книги читать”. Родилась в Б. Кольках. Нигде не была, кроме Тарту».
8	Воронья	Маланья Ефимовна Жукова	76 лет (1870 г.р.)	«Место рождения — Воронья. Никуда, кроме Тарту и Валги, не ездила. Живет с маленьким внуком. Хорошо знает содержание Евангелия и очень любит его излагать».
9	Воронья	Евдокия Семеновна Ремец («Сысоиха»)	65 лет (1881 г.р.)	«Неграмотная. Место рождения д. Каргово — 2 км. на юго-запад от Вороньи. В Каргове жила до 17 лет. С 17 лет, после замужества, жила с

⁴ О связях Березья со Псковщиной см. в характеристиках информантов, а также в статье [Ровнова 2006].

⁵ В памяти современных жителей Калласте не сохранилось сведений о семье с такой фамилией.

				мужем в Воронье. В молодости была с мужем в Риге, Москве, Серпухове, Бологом по несколько дней. Последние 40 лет живет не выезжая из Вороньи. Теперь живет одна, т.к. муж убит в Отечественной войне 1941–45 гг.»
10	Березье	Анна Савельевна Боткина	68 лет (1878 г.р.)	«Всю жизнь прожила в деревне Березье; здесь родилась и состарилась. В молодости бывала во Пскове (еще при царизме), в Юрьеве. Теперь она никуда не ездит уже очень давно. Старообрядка, строго соблюдает свои обычаи. Сын ее 33-х лет, не курит, ходит с бородой. Грамоте, т.е. читать, выучилась самоучкой, писать не умеет. Читает церковнославянские тексты. Знает наизусть духовные стихи, которые она поет».
11	Березье	Елена Чубаева	60 лет (1886 г.)	«Приехала в Березье лет 18 с одного из ближайших к деревне островов Псковского озера. В городах (Юрьев, Печоры) была только в молодости. Теперь нигде не бывает, живет с сыном 16-ти лет. В Юрьеве живет ее дочь».
12	Березье	Анна Михайловна Кривова	80 лет (1866 г.)	«Неграмотная. В Березье вышла замуж с восточного берега Псковского озера. В Березье живет 60 лет. Выглядит бодро, помогает в домашних работах, полет огород, нянчит внуков. Православная».
13	Березье	Дмитрий Игнатьевич Нилин	36 лет (1910 г.р.)	«Уроженец Березья. Года полтора служил в Красной Армии. Окончил 3 класса начальной школы. Грамотный. Знает эстонский язык. Уполномоченный сельсовета по деревне. Старообрядец. Соблюдает все старинные старообрядческие обычаи. Интересны имена его маленьких детей: Манефа, Феофан».
14	Березье	Маланья Филипповна Нилина	31 год (1915 г.р.)	«Родилась и все время живет в Березье. Окончила 2 класса начальной школы. Бывала в Юрьеве и Пскове».
15	Березье	Крестьянка деревни Березье	60 лет (1886 г.р.)	Сведений о ней нет.

Итак, из 15 информантов 11 являются староверами, на что прямо или косвенно указано в их характеристиках; большинство фамилий содержится в «Именном списке раскольников, жительствовавших на мызах Дерптского уезда» за 1855 г. [Очерки 2004: 27–103], их носят и современные жители. Это дает основание утверждать, что собранный в 1946 г. диалектный материал отражает действительно говор староверов Западного Причудья.

При анализе диалектных данных 1940-х гг. используется ретроспективный подход, который опирается на наблюдения над современным говором староверов Западного Причудья, обобщенные в работах [Ровнова 2004; Ровнова, Кюльмоя]. Основное внимание уделяется наиболее существенным, типичным чертам говора староверов, а также редким или утраченным диалектным явлениям.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Гласные

1. По материалам 1946 г. единственным типом вокализма после твердых согласных в говоре Западного Причудья является сильное (недиссимилятивное) аканье: не зафиксировано ни одного случая окающего произношения. Этим в данный период прибрежный говор староверов отличался от говора острова Пийриссаар, где в речи некоторых стариков Т. Ф. Мурникова еще в начале 1960-х гг. отмечала неполное оканье [Мурникова 1962: 348–350], что объясняется заселением острова в том числе выходцами с Гдовщины — территории с системой вокализма, переходной от оканья к аканью.

2. Вокализм после мягких согласных представлен в материалах 1946 г. двумя типами — сильным яканьем и иканьем, которые сосуществуют не только в говоре каждого из обследованных населенных пунктов, но и в идиолекте многих информантов. Сочетание яканья и иканья является устойчивой, типичной чертой и современного говора староверов Западного Причудья; пока нет оснований говорить об усилении тенденции к смене одного типа вокализма другим.

3. В современном говоре только формы прошедшего времени глагола *идти* широко употребляются с протетическим гласным *и* ([и]шла, [и]шли), другие примеры ([и]ржи от *рожь*, [и]лгут, [а]двор) единичны. В более раннее время протеза *и*, *а* присоединялась к более широкому кругу слов. Так, кроме многочисленных примеров с [и]шли, в материалах 1946 г. отмечено: *прежны годы [и]рьём* (от *рей* ‘овин’) *молотили*⁶, [и]ржани↔ише (*ржани↔ице* ‘сжатое ржаное поле’), [а]хле↔е, *корова в [а]хле↔е стоит* (Калласте); [и]ржани↔иша, *раньше [и]рья↔м молотили* (Б. Кольки); *если ржаное поле, так называют [и]ржани↔ище, конь [и]ржёт* (Воронья); *пуд-два [и]ржи* (Березье). Частотность данного явления, видимо, послужила основанием для включения ряда слов с протетическими *а*, *и* в [Материалы для словаря 1963], см. словарные статьи на *авто↔рок* ‘вторник’, *адво↔р*, *альняно↔й*, *аржани↔ице*, *аржано↔й*, *ахле↔е* и уменьш. *ахлево↔ж*, *илга↔ть*, *илгу↔н*, *ирва↔ть*¹, *ирва↔ть*², *ирва↔ться*, *ирво↔та*, *иржаве↔ть*, *иржа↔вчина*, *иржа↔ть*, *иржи↔ца*, *истру↔б*. Таким образом, в течение прошедшего периода явление протезы гласных в говоре пережило процесс утраты, сохранившись лишь в лексикализованном виде в формах прошедшего вида глагола *идти*.

4. В говоре староверов в его и более раннем, и современном состоянии сохраняется рефлекс фонемы /h/ // в виде гласного [и] в ограниченном круге слов: местоимении *вси* и

⁶ В сочетаниях *молотить ирьём* и *молотить ирья↔м* (Б. Кольки) творит. падеж имеет значение места. Приведенные примеры показывают известное и современному говору расширение круга существительных, способных в этой падежной форме выражать то или иное грамматическое значение, в данном случае пространственное. См. об этом [Ровнова, Кюльмоя].

его падежных формах (*всих, всим, всими*), наречии *совсим*, а по материалам 1946 г. еще и в формах творит. падежа местоимений *кто, что* — *ким, чим*, в форме 2 лица ед. числа глагола *есть* — *йишь* и единично в наречии *здись* (*здися*). И без того небольшая группа слов, в которых лексикализовано данное фонетическое явление, за прошедший период уменьшилась.

5. Для говора староверов середины 1940-х гг. характерна широкая употребительность существительного *огурцы* и его производных с начальным гласным [у], что сейчас встречается лишь спорадически: *Вовка ишыплет* [у]гурцы, [у]гурешна мяти↔на (Б. Кольки); *они пойдут в* [у]гурцы клявать (Воронья); *свёкла, морковка,* [у]гурцы, *горох-то ня сеем* (Березье).

Согласные

1. Типичной фонетической чертой современного говора староверов является произношение твердого [ч]: так его произносит большинство информантов. Данное произношение, однако, не является единственным: в речи одного и того же лица этот согласный может произноситься и твердо и мягко, а для идиолектов некоторых информантов характерно произношение только мягкого [ч□]. В материалах 1946 г., на основании которых составлена карта 45 ДАРЯ «Согласный на месте ч» [ДАРЯ 1986], сосуществование [ч] и [ч□] отмечено в Калласте, Воронье и Березье, а в Б. Кольках, согласно этому материалу, последовательно произносили [ч□], что и отражено на карте. Эти сведения нуждаются в уточнении. В 2007 г. мы вместе с К. Кару и О. Паликовой провели направленное наблюдение над речью некоторых пожилых жителей этой деревни и убедились еще раз, что их речи, как и речи староверов из других старообрядческих поселений, свойственно произношение твердого [ч]. Тогда же мы записали очень интересные воспоминания А. С. Портновой, хранителя старообрядческого музея в Б. Кольках, о своей бабушке-староверке. Воспроизводя ее характерные высказывания, А. С. Портнова произносила [ч] подчеркнуто твердо.

Следовательно, сосуществование твердого и мягкого *ч* характерно для говора староверов и середины 1940-х гг., и современного. Так же, как и в случае с вокализмом после мягких согласных, нет оснований говорить о том, что в прошедшие десятилетия усилилась тенденция к мягкому произношению *ч*.

2. В современном говоре староверов Западного Причудья аффрикаты *ц* и *ч* различаются, а следами их бывшего неразличения (цоканья) являются, как и во многих северо-западных говорах, предикативные деепричастия с корнем *-шед-* и суффиксом *-чи*, в котором на месте [ч] произносится [ц]. Параллельно с формами *ушёд[ц]ы, пришёд[ц]ы* в говоре употребляются гораздо менее частотные *ушёд[ч]и, пришёд[ч]и*. Следовательно, можно говорить о грамматикализации цоканья, сочетающейся с его лексикализацией.

Точно так же обстояло дело и в середине 1940-х гг.: на отсутствие цоканья указывают все собиратели, работавшие в четырех обследованных старообрядческих поселениях. Вместе с тем тогда еще, по-видимому, можно было изредка услышать в речи пожилых людей отдельные слова с твердым [ц] на месте исконного *ч*. Так, в 1946 г. от 76-летней М. Е. Жуковой из Вороньи записаны примеры *тут всё* [цы↔сты] *староверы; фсё* [цы↔сты] *белые*, от 63-летней А. И. Горюновой из Калласте — пример *а от тут был* [цы↔сты] *лес*.

Ниже приводится дополнительный материал, подтверждающий существование в прошлом цоканья в говоре староверов Западного Причудья.

Косвенное указание на это находим в книге Е. В. Рихтер. Говоря о свадебном обряде в Западном Причудье, она пишет, что в 1870-х гг., «когда парень приходил свататься, девушка вскакивала на лавку и, бегая по ней, приговаривала: “Хоцу скацу, хоцу не скацу”. В настоящее время помнят об этом выражении и старые женщины Калласте» [Рихтер 1976: 209]. Правда, речь идет о деревне Нина с православным русским

населением, однако многие элементы свадебного обряда в этой деревне и селениях староверов оказываются сходными [Морозова, Новиков 2007: 12], а ее говор, как показывают предварительные наблюдения, не отличается от говора староверческих поселений сейчас и, возможно, мало чем отличался в прошлом.

В [Материалы для словаря 1963] с пометой Эст. включены глаголы *пе↔цкать* ‘пачкать’, *пе↔цкаться* ‘пачкаться’, *вы↔пецкать* ‘испачкать, загрязнить’, *вы↔пецкаться* ‘испачкаться’: *Н’и п’э↔цкый ад’о↔жыну, хто мыт’ и чы↔ст’ит’ бу↔д’и; Йон з’фс’агда↔ п’э↔цкыйица на свайо↔й рабо↔ты; Н’а трон’, ру↔ж’и ф т’аб’а↔ вы↔п’ыцкны; Вы↔п’ыцкыс’с’а в гр’а↔д’эх за↔д’эн’, страм ад’и↔н* [Материалы для словаря 1963: 216–217, 59–60]. Глаголы *вы↔печкаться* и *вы↔пичкаться* (с произношением как [ч’], так и [ц]) употребляются и в архангельских говорах [АОС 1993: 75, 84]. Тем не менее усматривать в этих словах лексикализацию цоканья следует с известной осторожностью. Данные глаголы — не только с мягким, но и с твердым [п] — отмечены также в старообрядческих говорах Литвы: *Зач’и↔м ты с’ц’е↔ны п’э↔цкыйыш?; Гдз’э и ты так ру↔ж’и вы↔п’ыцкъл?; С э↔т’ый машы↔н’ый вы↔п’ыцкълс’а в’эс’ как ч’орт* [Материалы для словаря 1963: 216–217, 60]. В эти говоры они могли проникнуть из белорусского языка, ср. бел. *пэ↔цкаць* ‘пачкать; мазать’. Возможно, что в восточнославянских языках и их говорах рассматриваемые глаголы с корневым [ц] являются заимствованиями из польского языка, см. об этимологии украинского *пе↔цкаться* в [ЕСУМ 2004: 363].

Нельзя обойти молчанием и следующий факт. В 2006 г., собирая материал по фольклору староверов Эстонии, Н. Морозова, Ю. Новиков и М. Романова обнаружили в фольклорном архиве Литературного музея им. Ф.-Р. Крейцвальда (Тарту) единственный текст, в котором получило отражение цоканье, — старинную свадебную опевальную, или величальную, песню. Она записана В. Егоровым в 1936 г. от жительницы д. Кольки, 58-летней Анны Дмитриевны Лавягиной (родившейся, следовательно, в 1878 г.).

Песня бесспорно новгородского происхождения. В пользу этой атрибуции говорит прежде всего близость ее содержания к двум вариантам текста, обнаруженным в [Фольклор Новгородской области 2005].⁷ Наиболее ранний из них записан в 1869 г. от крестьянки Старорусского уезда, более поздний — в 1964 г. от жительницы Демянского района Новгородской области, родившейся в 1891 г. См. эти варианты:

1869 г. Старорусский уезд Новгородской губернии	1936 г. Д. Кольки	1964 г. Демянский район Новгородской области
Прилетал млад ясен-сокол, Он сажился на окошечко, На раскрашенный наличничек. Никто сокола не видели, Видела родна матушка, Увидевши, слёзно всплакала: «Моё милое дитятко, Приголубь ясна сокола, Ясна сокола залётного, Доброго молодца заезжего».	Что при вецери, вецери, При потайнием вецери Прилетал вот ясен сокол, Ясен сокол, соловеюшко. Ён сажился на окошечко, Что на золоту прицеленку; Окошечко отворилося, Прицеленка обломилася. Что ништо ни здогадается; Сдогадалась ронна маменька, Побежала по новым сеням, Закричала громким голосом: «Ты дитя, цядо милое, Цядо милое, доць любимая, Выходи с новой горенки,	При последней поры времечке, При Натальином девишничке, Прилетал и тут ясен сокол. Он сажился на окошечко. На серебряный наличничек, Чтобы его никто не видал. Не увидел не родной батюшка, Усмотрела родна матушка. Закричала громким голосом: «Ты сердешно, мило дитятко, Не совсем ли ты собралася?» «Не совсем еще собралася, Я забыла красу девичью Красу девичью, волю вольную, Волю вольную, негу нежную».
[Фольклор Новгородской области 2005: 135]		

⁷ По заключению исследователей фольклора Западного Причудья, «структура свадебного обряда, целый ряд обрядовых действий, многие песни близки к записям с восточного побережья Чудского озера (север Псковской губернии), хотя и не дублируют их» [Морозова, Новиков 2007: 12].

	Залуцяй ясного сокола, Ясного сокола залётного. Доброго молодца заезжего, Что заезжего, что захожего.	«Не горюнься, мило дитятко, Приголубь ясного сокола, Ясного сокола залетного Ну, ты Ивана да Петровича».
	[Морозова, Новиков 2007: 176–177]	[Фольклор Новгородской области 2005: 153–154]

Очевидно, что говорить о фонетических диалектных особенностях новгородских текстов не приходится: если они и были отражены в записях, то при подготовке к публикации устранили. Обратимся к характеристике цоканья в нашем тексте.

Память А. Д. Лавягиной сохранила весьма архаичный с точки зрения фонетики вариант. Цоканье является для исполнительницы не живым явлением, а приметой глубокой старины, что со всей убедительностью показывают способы графической передачи собирателем этого явления. Цоканье не является последовательным, о чем говорит форма *на окошечко*. Слово *окошецко* отражает твердое цоканье, а примеры *закриццля*, *цядо* (дважды), *доць*, *залуцяй* — мягкое (примеры *при вецери*, *на приццеленку*, *приццеленка* непоказательны для определения типа цоканья). Неожиданное преобладание в тексте случаев мягкого цоканья заслуживает особого внимания. На карте 47 ДАРЯ, посвященной различению или совпадению согласных на месте *ч* и *ц* [ДАРЯ 1986], есть несколько небольших ареалов с мягким цоканьем, однако они находятся к югу от Пскова, то есть довольно далеки от территории, примыкающей к восточной и юго-восточной части Псковского озера. К северу же от Пскова, включая всю территорию, примыкающую к восточному берегу Чудского озера, ареалов с мягким цоканьем нет. Если верить собирателю В. Егорову, то перед нами уникальный текст, отражающий древнейший, мягкий тип цоканья, свойственный древненовгородскому (до XV в.) диалекту.

От А. Д. Лавягиной записано еще восемь фольклорных текстов, ни в одном из них цоканье не отражено, что подтверждает его «цитируемый» характер. Каким же образом величальная песня в цоканьем исполнении могло попасть в репертуар жительницы Колек А. Д. Лавягиной? Не зная ее лингвистической биографии, ответить на этот вопрос можно лишь предположительно.

Она носит местную старообрядческую фамилию: в «Именном списке раскольников, жительствовавших на мызах Дерптского уезда» за 1855 г. среди жителей деревни «Малый Кольк» значатся «Захар Максимов Лавягин» и «Яков Ильин Лавягин» [Очерки 2004: 51]. Однако некоторые особенности ее идиолекта говорят о том, что она не коренная колецкая жительница. Во-первых, в ее речи один раз отражено заударное ёканье (другими словами, оканье после мягких согласных): *за твоё доброё сердце* (текст 413). Во-вторых, в ее речи представлена не свойственная говору д. Кольки система форм глагола в 3 лице, а именно система с отсутствием конечного *т* во всех формах 3 лица (в ед. и мн. числе; в глаголах I и II спряжения; в ударных и безударных окончаниях). Приведем лишь по одному примеру на каждый случай: 3 лицо ед. числа — *размахнё↔*, *зама↔живае*; *говори↔*, *напу↔сти*; 3 лицо мн. числа — *несу↔*, *пла↔чу*; *говоря↔*, *поста↔вя* [Морозова, Новиков 2007: 174–175, 176, 242–243, 258]. Комплекс двух названных диалектных особенностей позволяет связать идиолект А. Д. Лавягиной с говором острова Пийриссаар, а следовательно, учитывая историю его заселения, — с восточным побережьем Чудского озера. Ее предки были носителями окающего говора, которому, возможно, когда-то было свойственно древнее новгородское мягкое цоканье. Исчезнувшее из живой речи, оно сохранилось в старинной величальной песне.

Вопрос о времени и причинах исчезновения цоканья в речи староверов Эстонии относится к компетенции исторической фонетики и связан с недостаточно исследованной проблемой истории цоканья в новгородско-псковских говорах в целом. Цоканью на Псковщине посвящена очень интересная и полемичная статья В. Н. Чекмонаса. Он отмечает, что здесь «цоканье начало интенсивно исчезать с тридцатых годов XX ст. под

влиянием литературного языка <...>; в то же время <...> цоканье вряд ли было сплошным, “тотальным” уже к концу XIX века, а это означает, что отход от цоканья вряд ли осуществлялся только под влиянием литературного языка» [Чекмонас 1997: 187]. Заслуживает внимания и его предположение о том, что «в некоторых местностях различие /ц/ и /ч/ имеет более длительную традицию, чем это обычно предполагается» [Там же: 186].

Очевидно, что в говоре староверов Западного Причудья цоканье было утрачено раньше, чем во многих говорах Псковщины⁸. Интересно отметить, что оно также несвойственно старообрядческим говорам Литвы [Морозова 2007: 62–63]. Видимо, в среде староверов как людей, приобщенных к книжной культуре, рано была осознана «неправильность», непрестижность цоканья, почему эта диалектная черта и стала устраняться из их речи. Вполне вероятно, что отход от цоканья произошел (или начал происходить) еще до массового переселения старообрядческого населения в эстонское Причудье — тогда становится понятно, почему ни один из наших информантов в 2003–2007 гг. не ответил утвердительно на вопрос, говорили ли их родители или бабушки-дедушки [ц]ай, не[ц]ка, до[ц]ка↔.

3. И в современном, и в старом материале широко представлено произношение долгих согласных [нн] и [н'н'] на месте сочетаний [дн] и [д'н'] в результате регрессивной ассимиляции по назальности: бе↔[нн]ость, го↔ло[нн]о, ро[нн]ы↔е, за↔[н'н']ей, [н'н']и, пере↔[н'н']ик, сего↔[н'н']я и многие другие примеры 1946 г. из всех населенных пунктов. Это фонетическое явление, таким образом, относится к числу устойчивых в говоре староверов. Явление же, которое представляет собой результат того же процесса, а именно произношение долгих согласных [мм], [м'м'] на месте сочетаний [бм], [б'м'], полностью исчезло в современном говоре и в середине 1940-х гг. находилось в процессе утраты. В материалах 1946 г. отражено всего несколько примеров: о↔[мм]орок, о[мм]ыва↔ем (Б. Кольки), о[мм]оло↔тют (Воронья), о[мм]а↔ном, о[мм]ану↔л (Березье).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Комплекс морфологических явлений, представленный в материалах 1946 г., в целом совпадает с тем, который характерен для современного говора староверов. Однако есть диалектная черта, которая нуждается в специальном обсуждении, — распределение форм без конечного [т] в системе личных форм глагола.

В современном говоре формы 3 лица ед. и мн. числа глаголов независимо от спряжения и места ударения имеют конечный согласный [т]. Такое употребление является преобладающим. Более редкими, но все же достаточно распространенными являются формы без [т], но только в ед. числе глаголов обоих спряжений. Материалы 1946 г., на основе которых составлены карты 80 и 81 ДАРЯ [ДАРЯ 1989], свидетельствуют, что говорам разных населенных пунктов были свойственны разные системы. Рассмотрим их отдельно для ед. и мн. числа.

Так, отсутствие [т] в форме 3 лица ед. числа во всех позициях было свойственно говорам г. Калласте и д. Березье: ста↔не, несё↔; хо↔ди, сиди↔. К этой системе близок говор д. Б. Кольки, для которого характерны формы ста↔не, хо↔ди, сиди↔, но несё↔[т]. В говоре д. Воронья формы без [т] зафиксированы лишь в безударных

⁸ Приведем для сравнения данные из псковских деревень Красииковщина (Бела) и Троицкая Гора (Черемша), собранные соответственно в 1941 и 1946 г. Эти деревни находятся неподалеку от д. Подклинье, со староверами которой имели родственные и хозяйственные связи староверы д. Березье, см.: [Ровнова 2006]. В обеих псковских деревнях в речи представителей старшего поколения (70–80 лет) собиратели зафиксировали твердое цоканье.

окончаниях глаголов I спряжения, т.е. *ста↔не, быва↔е, вылива↔е, зна↔е, лома↔е, несё↔[т], хо↔ди[т], сиди↔[т]*.

Для понимания динамики морфологической системы существенно то обстоятельство, что говорам некоторых населенных пунктов было свойственно отсутствие конечного [т] и в формах мн. ч. и с л а. По материалам 1946 г., оно наблюдалось только у глаголов II спряжения. В говоре Калласте отсутствие [т] не зависело от места ударения: *хо↔дя, сидя↔*, в говоре Березья — зависело и встречалось только под ударением: *сидя↔, крича↔*. Говорам же деревень Б. Кольки и Воронья были свойственны личные формы глагола 3 лица мн. числа только с конечным [т] во всех позициях.

Текст 246 «Свадьба в Черном Посаде», записанный в 1938 г. и опубликованный в [Морозова, Новиков 2007: 162–164], дает возможность реконструировать систему личных форм глагола в говоре Муствеэ. В тексте отражены формы без конечного [т] в ед. и мн. числе во всех возможных позициях. В ед. числе: *даё↔, складё↔, кладё↔, спры↔сне, бу↔де, пла↔че* (I спряжение); *да↔ри, про↔си, сиди↔* (II спряжение). Во мн. числе: *запряга↔ю, приезжа↔ю, сажая↔ю, беру↔, несу↔, пою↔* (I спряжение); *приво↔дя, ла↔дя, прино↔ся, говоря↔* (дважды), *стуча↔* (II спряжение). Следовательно, в говоре Муствеэ в 1930-е гг. существовала система, свойственная гдовским говорам и, в частности, говору острова Пийриссаар. Интересно, что следы ее в виде лексикализованного *говоря↔* — вводного слова и сказуемого — обнаруживаются в речи сестер Д. Я. и Е. Я. Фокиных (соответственно 86-ти лет и 81-го года), живущих в д. Воронья, но родившихся на Пийриссааре, см. записанные от них в 2006 г. тексты 43, 89, 232 в [Морозова, Новиков 2007: 58, 75–76, 139].

Все эти факты свидетельствуют о том, что, во-первых, в прошлом говоры старообрядческих поселений Западного Причудья различались по признаку наличия / отсутствия конечного [т] в личных формах глаголов 3 лица ед. и мн. числа, а во-вторых, за прошедший период формы мн. числа с конечным [т] получили развитие в говорах Калласте, Муствеэ и Березья.

Наконец, в материалах из д. Березье отмечено несколько примеров с мягким [т'] в формах 3 лица мн. числа глаголов I и II спряжения: *вязу↔[т'], свяду↔[т'], захотя↔[т'], хо↔дю[т']* и разноспрягаемый *даду↔[т']*, а также единичные *прилятя↔[т']* (Б. Кольки) и *е↔ду[т']* в речи А. Д. Лавягиной [Морозова, Новиков 2007: 268]. Эти сведения нуждаются в дальнейшем осмыслении, для чего требуются и специальные наблюдения над современной речью староверов.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

1. В материалах 1946 г. нашли отражение типичные для современного говора синтаксические явления. Это прежде всего:

1) конструкции с предикативными деепричастиями: *старушка, у ней уже голова повесивши, рассказала* (Калласте); *твой Лука↔н померши раньше, чем я замуж вышедцы* (Б. Кольки); *сямья↔м приехаччи всим* (Воронья); *ладья-то* ('лодка') *ваша яшишо не ушёдцы* (Березье);

2) пассивно-перфектные конструкции с несогласованным причастием: *Матрёна, поросята кормлено?* (Калласте); *к торбе ушки приделано; дровца↔ на себе ношено* (оба примера из Б. Колек); *теперь и чужих довольно кладено; ски↔рда — хлеб-то складено* (Воронья).

Особо следует сказать о конструкции посессивного перфекта, состоящей из существительного в род. падеже с предлогом *у* (*в*) и краткого страдательного причастия (типа *у меня печенье напечено* 'я напекла печенье'). В современном говоре староверов подобные конструкции встречаются реже, чем конструкции с предикативными деепричастиями, однако являются его типичной синтаксической чертой. В работе

[Кюльмоя 2006] показано, что в таких конструкциях причастие а) образовано преимущественно от переходных глаголов совершенного вида, б) может быть согласованным и несогласованным, в) в единичных случаях образовано от непереходных глаголов несовершенного вида. Интересно, что в записях 1946 г. соответствующий материал представлен крайне скупо, а в Калласте не зафиксирован вовсе. «Классическая» трехкомпонентная конструкция посессивного перфекта представлена лишь в трех примерах, причем в последнем причастие образовано от глагола несовершенного вида: *полёв у нас нету, мало у кого небольшой **имат посеяно*** (Б. Кольки); *в кого како ⇔ **имя тьялёнку положено*** (Воронья); *очень много у мяня вина **пито*** (там же). Отмечена двухкомпонентная конструкция с опущенным: а) семантическим объектом: *может, в добрых людях **вытягано*** (Воронья); *думала, у них **взято** за собой* (там же), б) семантическим субъектом: *давно белого хлеба **не пячно*** (Воронья). Наконец, есть «минимизированная» пассивная конструкция только со сказуемым — кратким причастием от переходных и непереходных глаголов обоих видов: *нонича только не съел, а то кажыный год **съедено** было; много **пето, и танцовано, и пето**; всюду **по ⇔ быто**, в Москвы **быто*** (все примеры из Вороньи); *раньше-то **хожено*** (Березье); *хожано по грядам* (там же). Редкость конструкций с посессивным перфектом в материалах 1946 г. можно объяснить либо недостоверностью материала, либо тем, что эта конструкция в последующие десятилетия получила в говоре дальнейшее развитие.

2. Конструкции с им. падежом существительного в сочетаниях с предикативным наречием *надо*, редкие в современном говоре, так же редко встречались в прошлом: *можжа, **надо грядцы?*** (Березье); *сколько **рыба надо** поймать тебе-ка?* (Калласте).

3. Наконец, в материалах 1946 г. отмечены синтаксические явления, не встретившиеся во время экспедиций 2003–2007 гг.

Во-первых, в материалах из д. Воронья зафиксировано известное многим русским говорам употребление им. падежа объекта при переходном глаголе: *рай-дуга ⇔ **это така ⇔, она притяга ⇔ ет вода к себе, починить дырка еслив, а там ахлев, коровы дяржать, борова ⇔ в и коня.***

Во-вторых, в материалах из д. Б. Кольки отмечены противительные конструкции, в которых в соответствии с повторяющимся противительным союзом *то ли..., то ли...* литературного языка используются другие союзы — *инши..., инши...* и *невесь..., невесь...: **инши спать, инши плакать; невесь к доктору веть, невесь што.*** Присущее этим производным союзам модальное значение неопределенности, неуверенности обусловлено их связями с производящими словами. Первый союз мотивируется употребляющимся в говоре неопределенным местоимением *инший* ‘иной, некоторый’, второй союз восходит к древнерусской форме 3 лица ед. числа глагола *вѣдѣти* ‘знать’ в сочетании с отрицанием — *не вѣсть* ‘не знает’. В современной речи староверов конструкции с этими союзами не попадались.

В-третьих, в говоре д. Воронья отмечены примеры с не встретившимся в материалах 2003–2007 гг. предлогом *гли* (гля) ‘для’: *а тятерь **гли яды не носят; гли зярна амбар; с жардей изгоро ⇔ да гля крупно ⇔ и скотины.*** Этот предлог включен в [Материалы для словаря 1963].

В целом же в материалах 1946 г. отражен тот комплекс синтаксических явлений, который свойственен и современному говору староверов Западного Причудья, см. [Ровнова, Кюльмоя].

ЛЕКСИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Диалектная лексика, получившая отражение в материалах 1946 г., включает много слов, употребляющихся в современной речи староверов и вошедших в «Список диалектных слов и выражений», опубликованный в [Очерки 2004: 292–307]. Вместе с тем есть слова, которые не встретились нам при обработке экспедиционных материалов 2003–

2007 гг. и, что важно, не включены в [Материалы для словаря 1963]. Публикация этой части словарного состава особенно важна, поскольку дает возможность начать исследование диалектной лексики в аспекте синхронии / диахронии. Вот неполный список примеров:

Ба↔лчушный. Избалованный. *Дети здесь такие ба↔лчушные, назови как хошь, ба↔лчушные или ба↔ловные* (Калласте).

Бадво↔рок. Участок земли с домом, огородом и хозяйственными постройками (Березье).

Влад. Способность действовать. *Картошки не могу тоже резать, в этом пальце нету влада* (Б. Кольки).

Вреши↔ться. Напиться (о спиртном). *Ён был вряши↔вши* (Воронья).

Втра↔питься. Вонзиться, впиться. *Вилка в ногу↔втра↔пилася* (Воронья).

Вязе↔ль. Сырое вязкое место, болото. *Тропиной пройтить можно, нету такого места — вязе↔ль* (Б. Кольки).

Га↔дость. Змеи. *Га↔дости нету* (Березье).

Граби↔тва. Действие по глг. *гра↔бить* 'грести, сгребать в кучу'. *Граби↔твы нету; не↔ была спрашивать граби↔тву?* (Березье). *Дожидают, што, можса, у кого граби↔тва будет* (Березье).

Гу↔менный. Мягкий (о хлебе). *Тогда хле↔бы што гу↔менный, ну мягкий такой, што гу↔менный у нас называют* (Б. Кольки).

Дятя↔тница. Курица, которая сидит на яйцах или водит цыплят. *С цыплятам там уже дятя↔тница, на яйцах сидит тоже дятя↔тница* (Березье).

Дровосе↔к. Молодой лес на месте вырубленного. *Моло↔дый лясок — это дровосе↔к, с маленьких дровосе↔ков веники ломаем* (Б. Кольки). *Дровосе↔к — лес вырублен, там моло↔дый лес растёт, так не дают, што моло↔дые деревья растут* (Б. Кольки).

Зага↔дина. Загадка. *Загадаю зага↔дину, вытяну с жопы ягодину, оближу, опять назад положу* (о малине) (Калласте).

Кара↔ть. Вводить в заблуждение, обманывать. *А я-то нарошно там яму кара↔ю, аз, буки, а мне и смешно* (Б. Кольки).

Квохту↔ха. Курица, собирающаяся садиться на яйца. *Квохту↔ха — котора хочет детей высиживать* (Б. Кольки).

Кла↔ночка. Дверная щеколда. *Дверь-то только на верхнюю кла↔ночку* (Б. Кольки).

Коле↔ть. Замерзать, мерзнуть. *День коле↔л, ноч коле↔л* (Березье).

Корчеви↔на. Выкорчеванный пенёк. *Ляжи корчави↔ной, раз не хошь работать* (Б. Кольки). *Ляжи корчави↔ной, не тронь чужого* (Б. Кольки).

Косты↔га. Кость, мосол. *Лук высушим, што как косты↔ги крепкий* (Воронья).

Кра↔йна. Крайняя степень чего-либо. *К зи↔мы бочки, и квашонки, и подпола↔ вси по↔лны, а к вясны — ну, кра↔йна* (Б. Кольки). *Вы за няво постарайтесь, до кра↔йне* (Б. Кольки).

Кри↔нник, собир. от *кри↔на* 'льдина'. *Кри↔нник — это кри↔на така↔, попали на кри↔ну, так живы будем, ну так маленький кри↔нник* (Воронья).

Кури↔ть. Топиться, дымя (о плите). *У мяня плита завсягда ку↔рит* (Воронья).

Ле↔сенка. Лестовка. *Молются с ле↔сенкам* (Березье).

Лысо↔ха. Порода диких уток. *Лысо↔хи я↔рные утки таки↔, самы чорные, а перяносицы белые* (Березье).

Ме↔сячно, безл. предикатив. О лунном вечере или ночи. *Смотрю на звёзды, а месячно так, лунно* (Калласте).

Мускора↔дный. Брезгливый. *Мускора↔дный человек. Говорят некоторые: он какой мускора↔дный* (Воронья).

Мутосве↔тить, *неодобр.* Безобразничать. *Всё-таки сын любит тябя, только мутосве↔тит* (Б. Кольки).

Надозли↔ть. Сделать много зла кому-либо. *Яна как яму надозли↔ла жана много, за то ён так хулит яё* (Воронья).

Напеклева↔ть. Наговорить на кого-либо, оклеветать. *Зато до↔бро на тябя напеклява↔ла* (Воронья).

Обильё↔. Урожай овощей (Березье).

Осёлка. 1. Точильный камень в виде бруска. *Осё↔лка — это косы точут* (Воронья). 2. Средство проверки, испытания кого- или чего-нибудь. *Бес всё знает, только бабьей осёлки не знает* (Воронья).

Па↔порсть. Папоротник. *Не, говори[t], я прятался в па↔порсти, это такая кустами, я с этой па↔порсти* (Калласте).

Перегодова↔ть. Прожить год. *И бить жалко, што молодые, может, перегоду↔ют этот год* (о курах) (Б. Кольки).

Пово↔й. Головной убор замужней женщины. *Повой — замужние женщины носят* (Березье).

Помя↔л. Помело. *Помя↔л — которым печку пашут, а двор — это метла* (Калласте). *Помя↔л — это бабу гонял, а баба забоялась — в печку забра↔лась* (Калласте).

Почта↔рь. Почтальон (Березье).

Пучи↔на. Большое непроходимое болото. *В лясах есть такие пучи↔ны, туды попадёшь и вон не вылезешь* (Б. Кольки).

Сикля↔шник. Муравейник (от *сикля↔ха* ‘муравей’) (Березье, Воронья).

Сле↔тье. Овощи. *Девять полёв имеется в жихаря, горох и всякая сле↔тья* (Воронья). *Сле↔тья — эта естя разной разности посеяно* (Воронья).

Спе↔шное вре↔мя. Уборочная пора, страда. *А у нас называют ишо спе↔шина время* (Воронья).

Стеко↔льный. Сделанный из стекла. *Под ягоды стяко↔льные банки купляли* (Березье).

Сто↔чка. Ссора. *Ни ядиной сто↔чки, муж ходил по мурницкой* (по каменному делу) (Воронья).

Тру↔дник. Муж, хозяин. *Двадцать год прожила без тру↔дника, и голонная спать не ложилась* (Б. Кольки). *Он тру↔дник плохой, старый* (Воронья).

Ты↔сяка. Тысяча. *Две ты↔сяки* (Березье).

Флюга↔рка. Флюгер. *Эта флю↔гарка ветер показывает* (Калласте).

Цыпля↔тница. Курица-наседка. *Это называем цыпля↔тница, и сидят три недели, зачнут в яичках чивкать, а яны слушают яну, цыплатки маленькие* (Воронья, Березье).

Черемну↔шки. Красная сыпь на теле. *Черямну↔шки — это о↔сыпь такая красная* (Воронья).

Чуба↔рычки. Тапочки. *Чуба↔рычки эво такие, как у меня на ногах* (Калласте).

Чуми↔чка. Половник, поварешка. *А поварёшка и чуми↔чка называют* (Калласте).

Ше↔рень. Мелкий плавучий лед на озере. *Ше↔рень называют, ше↔рень такая плавает, вот, говорят, лёд будет пропадать* (Воронья).

Шля↔ча. Сырая погода с дождем и мокрым снегом, слякоть. *Такая шля↔ча, такой мокрый снег лятит* (Б. Кольки).

Я↔рный. Крупный, плодовитый. *Лысо↔хи я↔рные утки таки↔, самы чорные, а перяносицы белые* (Березье).

Яри↔ть. Гореть, жечь (о теле). *Когда стряка↔вой-то* (крапивой) *напаришья, тогда всё тело и яри↔т* (Б. Кольки).

Во время экспедиции в 2007 г. мы вместе с К. Кару и О. Паликовой провели небольшой опрос информантов с целью определить знание ими некоторых слов из этого

списка и их значений. С одной стороны, опрос помог уточнить значения ряда слов (*вяза*↔*ль*, *кара*↔*ть*, *корчеви*↔*на*, *мутосве*↔*тить*, *пучи*↔*на*, *яри*↔*ть* и др.), с другой — обозначил проблемы, которые нужно учитывать при дальнейшем изучении диалектной лексики и составлении «Словаря говора староверов Эстонии». Во-первых, часть лексики могла перейти в разряд архаизмов или утратиться (например, *гу*↔*менный*, *мускора*↔*дный*, *ты*↔*сяка*, *я*↔*рный*). Во-вторых, следует иметь в виду наличие фонетических и словообразовательных вариантов слова, сосуществующих в говоре одного или не одного населенного пункта. Например, *квохту*↔*ха* (Б. Кольки) и *квокту*↔*ха* в [Материалы для словаря 1963: 119], *па*↔*порсть* (Калласте) и *па*↔*портъ* в [Материал для словаря 1963: 207], *ле*↔*сенка* (Березье) и *ле*↔*ствиночка* от *ле*↔*ствинка* в [Очерки 2004: 297], *корчеви*↔*на* (Б. Кольки) и *корча*↔*ж* в [Материалы для словаря 1963: 130], *пово*↔*й* (Березье) и *пово*↔*йник* (Калласте). В-третьих, в разных населенных пунктах для обозначения одних и тех же реалий могут использоваться разные слова. Так, участок земли с домом, огородом и хозяйственными постройками в Воронье называется *бадво*↔*рок*, в Калласте — *грунт*; курица, которая сидит на яйцах, — *цыпля*↔*тница* в Воронье и *детя*↔*тница* в Березье. Уточнение территориального распространения лексики помогло бы ответить на вопрос о диалектных различиях между старообрядческими деревнями в прошлом.

Наконец, приведем паремии и фразеологизмы, отраженные в материалах 1946 г.: *один час так и замуж вышедцы, только не попадѣшь в деви*↔*чий след; ни вдова, ни мужа жена; характер не визнаешь друг друга, покуда мешок соли не съешь; ён пройди-земля; сшит ни ёлко глазам ни колко* (о бывалом человеке); *денежки переведутся, как водица в решете; такую лепѣху в два дня не съестъ; без хозяйки дом сирота; эти подмѣтки богом подбиты на ве*↔*ж* (о ходьбе босиком); *с ким пѣешь, с тым и спать идѣшь* (Б. Кольки, все приведенные примеры записаны от Е. С. Филимоновой); *бес, чухна*↔*и бык — три года вари, а всё пахнет; у богли*↔*вой* ('бодливой') *коровы бог ро*↔*ги отнял* (Калласте); *змяля любит навоз, господа любят поднос* (Воронья); *горько не выпьют, сладко не съедят; у лгуна ноги коро*↔*тки* (Березье).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение языкового материала, записанного в старообрядческих поселениях Западного Причудья с временным интервалом около 60 лет, показывает прежде всего устойчивость ряда диалектных черт, являющихся наиболее типичными для говора староверов. К ним относятся сильное яканье, твердый согласный [ч], грамматикализация цоканья в формах деепричастий с корнем *-шед-* (*приишѣд*[ц]ы), долгие согласные [нн] и [н'н'] на месте сочетаний [дн] и [д'н'], глагольные формы 3 лица ед. числа без конечного [т], конструкции с предикативными деепричастиями и несогласованными причастиями. Некоторые диалектные явления утратились или заметно сузили употребление (слова с протетическими гласными *a, u*, группа слов с лексикализацией *h*, долгие согласные [мм] и [м'м'] на месте сочетаний [бм] и [б'м'], противительные союзы *инши... инши, невесть... невесть*). И наоборот, можно предполагать, что конструкция с посессивным перфектом получила развитие в прошедший период.

В настоящее время говор меньше сохранился в г. Калласте. В середине же 1940-х гг. он обладал комплексом диалектных черт, типичных для других населенных пунктов Западного Причудья.

Видимо, в прошлом говоры разных старообрядческих поселений имели диалектные черты, отличающие их друг от друга. Это бесспорно относится к распределению глагольных форм 3 лица с [т] и без [т], а также к некоторой части лексики. Вопрос о том, сохраняются ли эти отличия в настоящее время, требует специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М.
- ДАРЯ 1989 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. С. В. Бромлей. Вып. II. Морфология. М.
- Кюльмоя И. П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I.* Тарту. С. 155–159.
- Кюльмоя И. П. 2006 — О «русском перфекте» в говорах Западного Причудья. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц.* Тарту. С. 173–183.
- Морозова Н., Новиков Ю. 2007 — Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии. Тарту.
- Морозова Н., Чекмонас В. 2007 — Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения. *Фольклор старообрядцев Литвы. Тексты и исследование. Том I. Сказки. Пословицы. Загадки.* С. 51–70.
- Мурникова Т. Ф. 1962 — Описание русского говора острова Пийрисаара. *Ученые записки Тартуского университета. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии.* V. Тарту. С. 345–363.
- Очерки 2004 — Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту. 318 с.
- Программа 1947 — Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М. 220 с. [Электронный ресурс] http://iisaev.narod.ru/data/voprosnik_atlas.pdf.
- Ровнова О. Г. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I.* Тарту. С. 144–154.
- Ровнова О. 2006 — Староверы Западного и Восточного Причудья: проблема конфессиональных и языковых связей. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц.* Тарту. С. 244–270.
- Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. — Говоры староверов в современной Эстонии *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов.* М. (в печати)
- Рихтер Е. В. 1976 — Русское население западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры). Таллин, 1976.
- Фольклор Новгородской области 2005 — Фольклор Новгородской области: история и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет / Сост. О. С. Бердяева. М.
- Чекмонас В. Н. 1997 — Особенности реализации согласных /ц/ и /ч/ в говорах Псковской области. *Псковские говоры. История и диалектология русского языка.* Осло. С. 182–208.

СЛОВАРИ

- АОС 1993 — Архангельский областной словарь. Вып. 8. М.
- ЕСУМ 2004 — Етимологічний словник української мови. Т. 4. Київ.
- Материалы для словаря 1963 — В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря старожильческих говоров Прибалтики. Рига.